

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Встречное «чувство
возмущенного
недоумения»

Евг. Евтушенко счел нужным сообщить читателям «ЛГ» (№ 2, 1988), что присуждение Государственной премии РСФСР Станиславу Куняеву за книгу «Огонь, мерцающий в сосуде» вызвало у него «чувство возмущенного недоумения» и что он «возражает против этого решения».

Евтушенко высказывает крайне возмущение прежде всего страницами книги, посвященными Владимиру Высоцкому. И, естественно, возникает встречное «чувство возмущенного недоумения», ибо автор письма в «ЛГ», в сущности, не охарактеризовал ту книгу, которую объявляет не заслуживающей премии. Ведь разговор о Высоцком занимает в книге всего лишь 20 из 300 ее страниц. И, стало быть, Евтушенко не нашел оснований для придирок к «остальным» 280 страницам, ибо для того, чтобы расширить рамки своего «обвинительного акта» за пределы «проблемы Высоцкого», он вынужден был отложить книгу и привлечь к «дознанию» журнальную статью Куняева «Ради жизни на Земле».

Должен сразу же сказать, что я далеко не во всем разделяю позицию Куняева в отношении Высоцкого. Во-первых, некоторые его песни — такие, как «Штрафы батальоны» или «Кони привередливые» — я достаточно высоко ценю. С другой стороны, Куняев, на мой взгляд, слишком тесно связал самого Высоцкого и его фанатичных поклонников.

Речь идет, в частности, о тех, которые в своем бесновании затоптали могилу, расположенную около могилы Высоцкого. Евтушенко с крайним гневом пишет, что могила эта на самом деле была «бутафорской» и потому, говоря о ней в одной из своих статей (а отнюдь не в книге, как утверждает Евтушенко, не потрудившийся внимательно прочитать даже и подвергаемые им резкой критике страницы книги), Куняев тем самым «оплевывает» могилу Высоцкого. Чистейшая демагогия! Ведь в данном случае никакого значения не имеет, была ли это реальная могила или имитированная, ибо не только Куняев, но и те, кто разнузданно топтался в этом месте, вовсе не знали, что под их ногами не настоящая могила. И все же, повторяю, Куняев напрасно столь сблизил Высоцкого с такими его «поклонниками».

Но я не вижу ровно ничего заслуживающего «возмущения» в том, что Куняев выразил свое неприятие общей направленности многих песен Высоцкого, скажем, например, что «песни эти не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его» (эти слова Евтушенко квалифицирует как «прямое оскорбление»). Евтушенко очень любит поговорить о демократии. Но почему же он столь нетерпим к иному мнению?..

Впрочем, Евтушенко — о чем не раз рассуждал и он сам, и его критики — человек «разный», «многоликий». Фанатичные приверженцы Высоцкого, прочитав письмо Евтушенко в «ЛГ», без сомнения, с радостью увидят в нем своего едино-

мысленника — и грубо ошибутся. За несколько месяцев до этого письма он уже писал о Высоцком на страницах альманаха «Современная драматургия». Отметим, что Высоцкий — «талантливый человек», Евтушенко тут же утверждает, что его «настоящее лицо» приходится разглядывать «сквозь накипь кликушества, причитаний, порой лицемерно-надрывных, а иногда искренне-глуловатых». И еще: «Владимир Высоцкий, по моему мнению, не был ни большим поэтом, ни гениальным певцом, ни тем более композитором», — но ведь и пафос Куняева направлен именно против провозглашения Высоцкого «великим» и «гениальным». Куняев в своей книге спорит с тем, что можно назвать «программой» Высоцкого (а право на такой спор — элементарное условие демократии в литературе), но он не пользуется такими словами, как «кликушество», «лицемерие», «глуловатость», которые уж в самом деле оскорбительны. Куняев пишет о «музыкальном и актерском объяснении» Высоцкого, о его несомненном таланте и заключает так: «Бесстрастное время покажет, насколько этот незаурядный талант работал для своего дня, насколько для Вечности» — то есть не пытается выдать свое мнение за истину в последней инстанции.

Словом, Евтушенко попросту вводит в заблуждение тех, кто не читал книги Куняева, утверждая, что он-де «оскорбляет», «шельмует», «оплевывает» и т. п. Высоцкого. Все дело в том, что цель Евтушенко — отнюдь не в защите Высоцкого (которого, как мы видели, он и не столь уж высоко ценит), но в нападении на Куняева. Почти четверть своего текста Евтушенко посвящает «разоблачению» будто бы определяющей все критические суждения Куняева «зависти»: Куняев-де «физически не переносит» чужую популярность.

Надо прямо сказать, что, обратившись к теме «зависти», Евтушенко вступил на крайне опасный для себя путь. Вот что рассказала в своих воспоминаниях вдова Высоцкого, избравшая форму прямого обращения к покойному мужу: «Официальные поэты Евтушенко, Вознесенский благосклонно улыбались, когда ты приносил свои стихи. Никто никогда не сдержал слова... обещающего содействовать их публикации...» Я не стремлюсь «сравняться» с Евтушенко в приемах полемики; я хочу только сказать, что, применяя его «метод»,

ничего не стоит обвинить его самого в нежелании в свое время оказать помощь очень сильному «конкуренту»...

Но пойдём далее. Что еще не устраивает Евтушенко в книге Куняева? Куняев якобы «наклеивает с маху политический ярлык» на Вознесенского. Однако это грубая передержка. В книге ведется полемика с критиком С. Чуприниным, который обвинил Куняева в том, что он-де стремится «...воспеть» любую власть — вне зависимости от того, чьим интересам она служит, каким политическим идеалом руководствуется. В ответ Куняев показывает, что в той же самой статье Чупринин восхваляет стихи Вознесенского об СССР и США, которые явно «лишены социально-исторического подхода и классовых критериев, на что наш критик, требуя этого подхода от других поэтов, почему-то закрывает глаза». Таким образом, речь идет о «двойном счете» в позиции Чупринина, а вовсе не о «наклеивании ярлыка» на Вознесенского; Куняев только настаивает на том, чтобы критик, если уж он считает необходимым требовать строгой «политической» определенности от Куняева, не освобождал от этого требования и Вознесенского, — то есть, если угодно, вел себя «демократически».

Крайне негодование Евтушенко вызвали суждения Куняева о том, что живопись М. Шагала, по его мнению, «декоративна», «рационалистична», «литературна». Опять-таки нельзя не сказать о странной в наши дни антидемократической нетерпимости к чуждому мнению. На страницах «ЛГ» в прошлом году была опубликована, например, гораздо более резкая характеристика художника, в котором многие, как и в Шагале, видят «гения века»: «Красота — символ правды... Пикассо, строго говоря, не имеет ни малейшего отношения к истине... Пикассо, вместо того чтобы прославлять красоту... действовал как ее разрушитель, хулигатель, изничтожитель». Если следовать «принципам» Евтушенко, эти слова (а они принадлежат Андрею Тарковскому) пришлось бы определить как «оскорбление», «шельмование», «оплевывание» и т. п. и плюс к тому объявить их проявлением «зависти» к знаменитости.

Вот и все претензии Евтушенко к книге Куняева. Далее он переходит к его статье. Приписав Куняеву (опять-таки вырванную из контекста) строку поэта А.

Прасолова («Забудь про Светлова с Бегрицким»), Евтушенко пытается уверить читателей, что Куняев «злорадствует» и «насмехается» над поэтами предвоенного поколения. Но это еще более возмутительная передержка. Куняев пишет об этих поэтах: «отряд высокоодаренной поэтической молодежи», «романтическое бесстрашие», «жертвенность», «абсолютная искренность поколения» и т. п. Вместе с тем он доказывает — и очень убедительно, — что нашему времени свойственно иное, чем у тех поэтов, отношение к проблемам войны и революции. Что в этом криминального? Почему Куняев не может — одновременно со своим ясно выраженным уважением к предвоенному поколению — оспаривать романтический пафос его поэзии?

Обратимся еще раз к книге критика, который, как мы видели, ни в коей мере не является единомышленником Куняева, — С. Чупринина. Изложив свое понимание мировоззрения Куняева, он заключает: «Такова позиция, таково убеждение поэта. С ними можно сколько угодно не соглашаться, можно (а зачастую и нужно!) спорить. Но видеть в них надо в первую очередь именно позицию, именно убеждение. И надо понимать, что за них поэт Станислав Куняев всегда готов ответить собственной судьбой и честью».

Но Евтушенко не спорит; у него, как мы видим, иные задачи. Письмо, присланное им в «ЛГ», продиктовано, в сущности, не стремлением опровергнуть позицию Куняева, а желанием лишить его общественного признания. Ясно видно, что, будь это во власти Евтушенко, он «отнял» бы у Куняева присужденную ему премию. Не так давно критик В. Жигунов, говоря на страницах «ЛГ» о «слабых» и «трафаретных» произведениях, отмеченных Государственными премиями СССР в период застоя, называл среди них и поэму Евтушенко «Мама и нейтронная бомба», которую «при всем усердии не мог дочитать». Но Жигунову явно даже не пришлось в голову ставить вопрос так, как ставит Евтушенко: «Я возражаю против решения».

И в заключение я все же хочу сказать, что публикация письма Евтушенко сыграет положительную роль, ибо многие поймут теперь, сколь обманчивы могут быть крики о демократии, которые мы слышим сегодня из уст не только Евтушенко, но и целого ряда других литераторов.

Вадим КОЖИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

После опубликования письма Евг. Евтушенко редакции «ЛГ» получила много откликов как от тех, кто поддерживает позицию автора письма, так и от тех, кто с ним не согласен.

Представив обе точки зрения — «за» и «против», — мы считаем дальнейшее продолжение полемики нецелесообразным.